

К почтовому ящику у меня трепетное отношение с детства. Речь идёт не об электронном почтовом ящике, а о деревянном или металлическом, его прадедушке, который был в каждом подъезде в далёкие и не очень далёкие годы. Да и сейчас, конечно, такие ящики есть в подъездах... Такие, да не такие... Погрустневшие. Обиженные. Без ключика. А зачем ключ? Ведь в них мало кто заглядывает... Если только квитанцию об оплате квартиры забрать да многочисленные бесплатные рекламные издания вынуть и за ненадобностью положить на верх ящика. Какое уж тут трепетное отношение!

А тогда... Заглядывая в почтовый ящик, я всегда ожидала сюрприза: интересную газету, красочные журналы «Пионер», «Вокруг света», извещение на посылку от родственников из Москвы и даже... цветы (в юности так романтично дарил мне первые весенние цветочки одноклассник, который, кстати, потом стал моим мужем). Но самой большой радостью для меня было письмо! Драгоценный читатель уже, конечно, понял, что не виртуальное письмо, а самое настоящее, в бумажном конверте с марками. Письмо, которое можно потрогать, на ощупь определяя, много ли написал отправитель! Помню, всегда хотелось, чтобы письмо было толще!

Я ещё не умела читать и писать, зато любила слушать, как мама читала или пересказывала письма от своих сестёр, подруг, знакомых. Едва овладев грамотой, стала сочинять их сама, иллюстрировать, отправлять, а потом с нетерпением ждать ответа. Через некоторое время чудесный ящик выдавал мне одно письмо за другим. Это были весточки отовсюду, где жили наши родные, друзья и знакомые...

59

Юный читатель, надеюсь, простит меня, что пишу я не об эсэмэс, не об е-мейле, не о сообщениях в «ВКонтакте», а о каких-то малопонятных ему вещах. Уверяю, сейчас об электронном ящике и электронных письмах я могу сказать то же самое: пишу письма, жду ответа. Но всё-таки те письма – это и почерк, и бумага, и конверт, и неторопливость рассуждений! И даже запах бумажного листка, вложенного в конверт, был у каждого письма свой, особенный! Помню наивные слова пожеланий на конверте: «Лети с приветом – вернись с ответом!», «Жду ответа, как соловей лета!». С каждым письмом к нам в дом летела частичка тепла, которую щедро дарили отправители...

Но в детстве я и не подозревала, что с письмом может ворваться в дом беда. Возвратилась как-то из школы и по обыкновению с замиранием

сердца открыла почтовый ящик. Он, к сожалению, оказался пуст... Я недоумевала. Ведь по моим расчётам письмо должно было быть в ящике! Не было случая, чтобы она не ответила на письмо или задержалась с ответом. Её письма приходили регулярно, и я читала их, уединившись, чтобы никто не отвлекал меня. Шли дни, недели, а я всё ждала, когда в наш почтовый ящик почтальон положит конверт, подписанный крупным разборчивым почерком, конверт, где в графе «Адрес отправителя» значилось бы: «г. Феодосия»...

Знаю, нетерпеливый читатель возмущён: «О ком речь? Кто эта она?» Ты прав, мой читатель! Я обязательно скажу об этом. Но не сию минуту.

Итак, Феодосия! Она стала для меня одним из любимейших городов. Впервые я увидела этот крымский уголок тепла и света, когда мне было лет десять. Мы с мамой сошли с поезда на станции Айвазовская, немного не доехав до феодосийского вокзала. Кто бывал в Феодосии, тот знает, что до центра города от Айвазовской рукой подать – можно минут за двадцать пешком дойти. Не пройдя и минуты по перрону станции Айвазовская, мы были атакованы бойкими женщинами, которые предлагали «дикарям» комнаты. Одна самая шустрая тётка ухватила маму за руку и потащила её подальше от толпы, от конкурентов. Я еле поспевала за ними...

...Всю ночь в доме тётки скандалили какие-то люди. Родственники, как она нам пояснила утром. Но мама, за ночь не сомкнувшая глаз, не захотела оставаться здесь. Она расплатилась с хозяйкой, и мы покинули «нехорошую квартиру». Выйдя на улицу, мы в раздумье остановились: куда идти? Неожиданно услышали:

– Млакомлако-о!

В шесть утра странно было слышать выкрикиваемые громким мелодичным женским голосом какие-то непонятные нам слова, похожие на заклинание.

Внезапно эти загадочные слова прозвучали прямо у нас за спиной. Обернувшись, мы увидели обладательницу красивого голоса, которая ещё раз пропела своё заклинание, и мы поняли наконец, что это за слова! Перед нами стояла молочница, которая по утрам разносила молоко (это привычное явление в Феодосии, в чём я впоследствии убедилась). Высокая полная женщина с лицом доброй волшебницы вызвалась помочь, как только услышала о нашем затрудни-

тельном положении. Она повела нас по каким-то улочкам-закоулочкам, иногда пела своё «млакомлако-о» и останавливалась, чтобы налить молоко из своего большого алюминиевого бидона в бидончик или банку хозяев дома.

– Вот и пришли! – неожиданно произнесла наша спасительница.

Следуя за молочницей, мы нырнули в открытую калитку, очутились посередине огромного проходного двора, даже не остановились у длинного дома, похожего на барак, и оказались у другой калитки, а затем – в тесном дворике. Такого дворика я ещё никогда не видела, да и, к слову сказать, потом в жизни не встречала ничего подобного...

Первое, на что я обратила внимание, что поразило моё детское воображение и чего мы с мамой не ожидали здесь увидеть, было... кладбище в глубине заросшего травой небольшого двора. Я тёрла рукой глаза: не померещилось ли мне спросонок? Но нет! Среди бурьяна отчётливо виднелся памятник со звёздочкой, а сбоку, за памятником, тянулась прямо к дому высокая полуразрушенная каменная стена, напоминая развалины заброшенной крепости. Домик, где нам предстояло разместиться, как будто прилепился к старой стене. Я со страхом рассматривала двор, как вдруг дверь избушки со скрипом открылась и на низенькое крылечко вышла... Баба-яга. Я незаметно прижалась к маме, в то же время тайком разглядывая старушку, заговорившую тихим, слегка охрипшим голосом. Ощущение охватившего меня ужаса мешало понять её слова. Взрослые о чём-то договаривались, а я молила Бога, чтобы мама не согласилась здесь жить. Но она согласилась. Заметив, что бабушка уже давно наблюдает за мной, я устыдилась своего страха. Мне стало неловко, что я её рассматриваю. А хозяйка избушки улыбнулась и спросила:

– Как тебя зовут, девочка?

Я робко назвала своё имя.

– А я тётя Катя, – глядя на меня пронзительными зелёными глазами, продолжая улыбаться, сказала она. – Проходите в дом. Осторожнее.

Новая знакомая вовремя предупредила маму, когда та заходила в сени, ведь дверь была низенькая, и все, кто ростом выше хозяйки, рисковали набить себе шишку о дверной косяк. Старушка – маленького росточка, согнувшаяся под тяжестью горба на спине, который и делал её похожей на Бабу-ягу, – проскользнула из се-

ней в крохотную кухоньку, а потом и в единственную комнатку в доме, вмещающую лишь широкую железную кровать с пышной периной, застеленной чистым белым покрывалом, и с двумя большими подушками, да ещё маленькую тумбочку. Разноцветная деревенская дорожка была постелена на чисто вымытом полу. (Молочница, как потом выяснилось, помогала тётке Кате по хозяйству, мыла полы в доме.)

– Вот ваша комната и ваша кухня, располагайтесь... Я летом живу в сенях, так что мешать не буду. У меня там сундук, на котором я сплю. Столик. Когда бессонница, выхожу на крылечко посидеть, – улыбнулась она, взглянув на меня, как будто понимая, что творится в моей душе, и желая успокоить.

Оставив вещи, мы отправились к морю. Я уже не раз видела Чёрное море (в Ялте, в Алуште, в Адлере), но феодосийское – впервые. Дорогой читатель, прости мне эти строки! Согласна, что феодосийского моря как такового нет. (Один из вас указал мне на ошибку: нет такого моря!) Однако, несмотря на возражения по данному поводу недовольного читателя, всё-таки говорю о феодосийском море. Ведь именно здесь, в Феодосии, полюбила я Чёрное море, а потому оно для меня особенное – феодосийское! Мы стояли на берегу и любовались красотой открывшейся картины. Ни ветерка, ни волн. Какого-то молочного цвета море на горизонте сливалось с небом, так что нельзя было разобрать, где этот самый горизонт. Утреннее солнышко ласково гладило нас мягкими лучами, едва пробивавшимися сквозь молоко неба. С каждой минутой солнечного света становилось всё больше, вода засеребрилась, заиграл золотом феодосийский – тоже особенный – песок! Вот здорово! Я забыла все утренние злключения и предалась нехитрым занятиям: плескалась в морской воде, благо был штиль! Строила причудливые замки из золотого песка... Мы с мамой были счастливы!

Когда вечером вернулись в дом, увидели тётю Катю сидящей на ступеньках крылечка. Она курила, а рядом спали две совершенно одинаковые серые кошки, которые, как только мы заговорили, проснулись и, потянувшись, стали дружно тереться о ноги хозяйки. Уставшая за последние сутки от впечатлений, я неожиданно осмелела и спросила:

– Тётя Катя! А как зовут кошек?

– Кисяня и Мисяня... Это мама, а вот это её дочка.

Я поиграла с кошками, а потом мы втроём пили чай в маленькой уютной кухоньке, неторопливо вели беседу. Оказалось, что тётя Катя знала всё на свете и могла поддержать разговор на любую тему. Она не только интересно рассказывала, но и умела заинтересованно слушать. Я была просто очарована ею и с этого момента каждую свободную минуту старалась проводить в обществе нашей хозяйки. Она показала мне курятник, и я теперь кормила кур, собирала яйца, подметала дворик. Я освоила почти всю территорию двора! Не ходила только туда, где на солнце поблёскивал звёздочкой памятник.

Однажды за вечерним чаем тётя Катя спросила меня:

– Олечка, а ты боишься ходить к могилке? Не бойся. Там не страшно... там мои детки и мамочка похоронены. Завтра сходим к ним, если захочешь...

Когда стемнело и спала жара, она, как обычно, сидела на ступеньках крыльца и курила. О чём она думала? Лицо её, тёмное не от солнца, а от морщин, было непроницаемым, будто застывшим, а глаза излучали доброту. Кругом всё стихло, лишь пели цикады. Мы сели рядом с ней и долго молчали, боясь нарушить тишину. Наконец мама спросила:

– Екатерина Ивановна, а что случилось с вашими родными? Почему вы одна?

Тётя Катя рассказала нам страшную историю, которая произошла с ней и её родными во время войны. Ей тогда было тридцать лет. Здесь, на этом самом месте, стоял большой дом. В нём жила дружная семья: отец, мать, тётя Катя с мужем и двое детей – Валечка и Вовочка.

– Началась война, и мужчины ушли на фронт, а мы их ждали, иногда получали письма-треугольники, – рассказывала тётя Катя, и глаза её становились всё печальнее.

...Но вскоре письма перестали приходить. Однажды принесли похоронку на мужа тётю Кати, а через некоторое время – на её отца. Немцы заняли Крым, бомбили Феодосию. Бомба попала в дом тётю Кати ранним утром, когда все спали. Стены дома рухнули, и всех завалило обломками.

– Вон видите, одна стена уцелела, так и стоит с той стороны двора как печальное напоминание о моей трагедии. Я попросила не убирать её, и вот эту хибарку пристроили слева к старой стене, – тётя Катя показывала на полуразвалившуюся каменную стену во дворе.

...Когда сознание вернулось к ней, она смогла выбраться из-под обломков. Где мама и дети? Это была первая мысль, которая появилась у неё после того, как она очнулась. Она не знала, сколько времени находилась под завалом без сознания, но надеялась, что не очень долго. Теряя последние силы, стала разгребать обломки там, где находилась детская комната. Долго пришлось трудиться, но надежда откопать всех троих живыми придавала ей силы. Наконец она увидела детские ноги... Стала разгребать быстрее, отчаянно надеясь на чудо.

Чуда не произошло. И дети, и мама были мертвы. Тётя Катя снова потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что в городе немцы. Днём пряталась в руинах, а ночью чуть ли не ползком добиралась до небольшого городка Старый Крым, который находился рядом с Феодосией и в котором жила её сестра. Измученная, обессиленная, она приползла к дому сестры. Наревавшись, они отправились в обратный путь следующей ночью. Похоронили всех троих в одной могиле, которую сами выкопали прямо во дворе дома.

Тётя Катя временно жила у сестры, но свой уничтоженный дом и погибшую семью навещала часто. Могилка была всегда ухожена. Когда война окончилась, наняла рабочих, и ей построили вот этот домик.

– А мне большой дом и не нужен. Жила одна. А во дворе – моя семья... Я добилась разрешения оставить могилку во дворе. Когда умру – уберут. Поставили памятник, так и живу рядом с

ними... А сама согнулась с тех пор, горб вырос, болезни мучают... Курить стала.

На другой день мы с тётей Катей пошли на могилку. Открыли калитку, сели на скамеечку и помолчали.

– Вот здесь мои Валечка с Вовочкой лежат... мамочка с ними, – произнесла она. Помолчав некоторое время, добавила: – И я скоро к ним приду...

На могилку я стала ходить почти каждый день. То принесу цветы, то приберу там, думая о том, как нелегко всё-таки тётё Кате жить одной на белом свете. А по вечерам мы втроём сидели на крыльце и говорили о жизни...

Прошёл месяц. Тётя Катя провожает нас до калитки. Я смотрю на неё и вспоминаю, как у этой самой калитки месяц назад я испугалась её вида, как приняла добрую тётю Катю за Бабу-ягу. Теперь же вижу в ней родного человека, симпатичного, мудрого, не сломленного горем. Милая, милая тётя Катя!..

– Олечка, пиши мне... Я буду ждать, – тётя Катя протянула мне листок с адресом, написанным крупным почерком. Мы переписывались. Через год приезжали в Феодосию, навещали её. Затем снова писали друг другу.

Однажды я открыла почтовый ящик и увидела письмо! «От неё!» – обрадовалась я. Обратный адрес: г. Феодосия... Но странно... почерк чужой. Лихорадочно распечатаваю письмо, читаю: «Пишет вам знакомая тётё Кати. Помните, я молоко разносила? Тётя Катя умерла...»